

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Начать эту книгу стоит с признания того, что у нее не совсем правильное название. То, что мы привыкли именовать Австро-Венгрией, стало таковым де-факто только в 1867 году, а название это начали официально употреблять лишь в последние годы существования страны. Вначале это был конгломерат земель и городов, только часть из которых принадлежала к Священной Римской империи. Затем эти владения стали Австрийской империей, чтобы после войн и революций переродиться в то, что мы называем Австро-Венгрией и о чем ученые до сих пор спорят — была ли это единая империя с полусамостоятельными составляющими или же мы имеем дело с федерацией, или конфедерацией, или даже с союзом двух полноценных государств.

Что объединяло этот пестрый конгломерат на протяжении семи веков — так это дом Габсбургов, династия с непростой судьбой и неординарными представителями. Но заикливаться только на этой династии нет смысла. Надо говорить и о людях, которые ее окружали, ей служили, ей противостояли, ее превозносили и атаковали. Надо говорить о прочих династиях, о народах и нациях, о конфессиях и классах, о землях и государствах, так или иначе внесших свою лепту в историю Центрально-Восточной Европы в указанный промежуток времени.

Следует признать, что Австрийская империя, а вслед за ней и Австро-Венгрия, была нерядовым государством. И пусть в итоге поражения на полях битв и дипломатических игр отбросили ее во «вторую лигу» европейской политики, это государство было долгое время кому — почтенным отцом, кому — радушной матерью, а кому —

жестокой мачехой. Поэтому изучать этот регион, его прошлое и настоящее, не уделяя должного внимания эпохе, прошедшей под сенью двуглавого габсбургского орла, — непростительная вольность или недалёковидность.

Связывают сегодня Австро-Венгрию и Украину, конечно, прежде всего габсбургское наследие Галиции, Закарпатья и Буковины, некогда входивших в состав империи. Среди прочих невидимых нитей — память о чешских колонистах на Волыни, австрийских коммивояжерах и инженерах на Донбассе, балканских переселенцах в Славяносербию и Новую Сербию — наследниках зловещих пиратов-ускоков. Это активные и результативные взаимоотношения между западноукраинской и надднепрянской интеллигенцией в эпоху обретения украинцами себя и своей культуры, это места боевой славы чехословацких и польских легионеров — поданных Франца Иосифа (пусть и неверных ему). Такими же подданными Дунайской монархии некогда были и творцы современной украинской культуры, приехавшие с берегов Полтвы и Збруча на берега Днепра и Лопани, а затем нашедшие свою смерть в подвалах ЧК и лагерях ГУЛАГа.

Австрия, а позднее Австро-Венгрия имела богатую историю со своими блестящими полководцами и учеными, добросовестными управленцами и солдатами, проблемными недотепами и смутьянами, благословенными композиторами и художниками, умелыми мастерами и кондитерами. Это она, Австро-Венгрия, стала родиной любимых сейчас во всем мире десертов и вальса, тут появились прообразы боевых вертолетов и первое на континенте метро, тут впервые стали заставлять врачей мыть руки и научились использовать рентгеновское излучение. Нас до сих пор чаруют музыка Моцарта и Штраусов, творе-

ния Климта и Мухи, мы до сих пор зачитываемся произведениями Рильке и Рота, до сих пор звучат ожесточенные споры о работах Фрейда и идеологов австрийской экономической школы, произведениях Кафки и Захера-Мазоха, отзвуки той эпохи — в повседневных привычках и ритуалах множества жителей уже современной Центрально-Восточной Европы.

А значит, этот незримый континент — габсбургская Атлантида — не исчез бесследно. Да и когда он мог исчезнуть? В тот момент, когда крипта в венской Церкви капуцинов закрылась за гробом Франца Иосифа, последнего монарха старой школы? С прощальным взглядом на родину его наследника — низложенного, но не отказавшегося от своих монарших прав Карла? Со сбиванием императорских орлов радостными толпами в Праге, Любляне, Кракове? С сожалением о «старых добрых временах», которое нет-нет да и посещало жителей незримого континента, оказавшихся в условиях экономических кризисов, инфляций, правления тоталитарных и авторитарных режимов? С выстрелами в затылок на далеком российском Севере бывшим офицерам императорско-королевской армии, сначала послужившим независимому украинскому государству, а затем поверившим в фата-моргана социалистического строительства?

А может, с изнурительными допросами в гестапо представителей габсбургского рода, принявших польскую идентичность, хоть и не получивших польскую корону? С отказом сына последнего императора от претензий на престол, чтобы иметь право вернуться на родину предков ради ее благополучия в новой конфедерации европейских народов? С возведением на Балканах монументов террористу, застрелившему наследника престола, подтолкнув

всю Европу и значительную часть остального мира в мясорубку Первой мировой?

Можно долго еще предполагать, когда это случилось, подыскивая образы поярче. Но зачем? Ведь эта габсбургская Атлантида укрылась, но не исчезла. Портретами Габсбургов (правда, не всех) изобилуют сувенирные магазинчики Вены и Будапешта, фильмы и книги о «старых добрых временах» продолжают находить благодарных зрителей и читателей, изыскания на тему Австрии и Австро-Венгрии остаются любимым делом сотен ученых по всему земному шару, стиль тех эпох пытаются сохранять в интерьерах кафе и ресторанчиков в Центральной Европе, и даже те, кто особо не любил ни Габсбургов, ни их империи, — венгры, поляки, сербы — нет-нет да и предадутся эдакой ностальгии... А значит, есть что вспомнить и есть о чем взгрустнуть...

РАЗДЕЛ I

МЕЧОМ И КОЛЬЦОМ: ВОСХОЖДЕНИЕ ДИНАСТИИ ГАБСБУРГОВ

Игры престолов: Габсбурги на пути к вершинам власти

Провидение или стечение обстоятельств — пусть каждый читатель решает для себя, что именно, — решило так, что Габсбургам большую часть их истории выпала карта править, воевать, любить, ненавидеть и умирать в сердце Европы. Не будем громогласно утверждать, что это именно центр континента — ведь на столь завидную роль претендуют многие города и регионы. Но то, что речь будет идти именно о сердце Европы, — несомненно. Причем географическое положение подкрепляется прочими пограничными состояниями этих земель — культурными, экономическими, национальными. Именно тут столкнулись в своем продвижении славянское и германское человеческие моря, чье нелегкое сосуществование дополнялось перчинкой присутствия венгров, пришедших из неизвестных тогдашним европейцам восточных далей.

В особой закваске мира жителей этого, еще не имевшего единого названия макрорегиона в центре, континента свою роль играли не только национальные и религиозные факторы. Фронтирное положение влияло на статус этих

земель и с экономической точки зрения — тут проходили торговые пути как с Запада на Восток, так и с Севера на Юг. И пусть менялись окружающие страны, их правители, языки и религии их жителей, торговать все-таки было необходимо, а значит, караваны вновь и вновь продвигались вперед, а с ними не только товары и деньги, но и знания. Следовательно, богатели и те, кто жил на землях, дороги которых мерили шагами неутомимые купцы, паломники и искатели приключений. Впрочем, будущие владения Габсбургов не были обделены и природными богатствами — тут и безграничные леса, и полезные ископаемые, и земли для выращивания сельскохозяйственных культур, и места для охоты и рыбалки. Все вместе взятое давало шанс неплохо заработать, а значит, эти владения становились предметом интереса как амбициозных династий, так и соседних государств.

Итальянский дворянин на польской службе Александр Гваньини в своем труде «Описание Европейской Сарматии» так писал уже в 1578 году об Австрии: «Эта [Верхняя] Паннония имеет на востоке от себя Венгерскую землю, с запада — Баварскую, на юге — Штирийские горы, на севере — Вестфалию. Ширина земли — три дня, а длина — шесть дней хода. Земля богата, ничем не уступает Венгерской. Большой урожай зерна, а разной рыбы, вина так много имеет, что чехам, Моравии, Силезии и Баварии дает, с чего берет немалые деньги. Дунай течет посередине этой земли с другими реками».

Те, кто вознамерятся изучать историю Австрии *ab ovo*, смогут легко окунуться в мир увлекательных фактов, сложенный из данных археологии, красочных историй средневековых летописей и предположений современных историков. Им попадет изображение статуэтки Венеры

Виллендорфской, которая была создана на территории Австрии примерно 29 500 лет тому назад. Затем перед пытливыми исследователями пройдут вереницей неолит, медный, бронзовый и железный века. Тут уже придет время познакомиться со смешавшей кельтов и иллирийцев гальштатской культурой, когда экспортировалась соль и импортировалось вино.

Следом идут латенская культура и государство Норик, римляне и германцы. Неизменными остаются добыча соли и железа, а также торговые пути, проходящие через земли, позже ставшие Австрией. В пятом-шестом столетиях по тем же дорогам началось Великое переселение народов, в результате которого интересующая нас территория была поделена между Баварским герцогством и Аварским каганатом, воевавшим между собой с переменным успехом. Тем временем началась христианизация этих земель. Баварию разгромил Карл Великий, который включил ее в состав своей империи, куда спустя семнадцать лет вошли и территории разгромленного Карлом Аварского каганата. К немецкой и славянской колонизации прибавился венгерский фактор — венгры в 907 году разбили силы баварского герцога и взяли под контроль эти земли. Но венгров изгнали, и в Восточной марке¹ воцарилась династия Бабенбергов.

К моменту, когда о Габсбургах можно говорить уже как о заметной силе на международной арене, их будущие земли были местом для многочисленных баталий. Славянские, германские и венгерские правители страстно и азартно сорековались за контроль над ними, мирились и вступали

¹ Раннефеодальное государство, выделенное из состава Баварского герцогства около 960 года с целью более эффективно противостоять венгерскому военному давлению на германские земли. Охватывало западную часть современной земли Нижняя Австрия и восточную часть Верхней Австрии.

в династические браки¹, предавали и исчезали со страниц летописей. Национальных идентичностей в нашем современном понимании еще не было, и ввиду этого князья и короли боролись за все земли, претендовать на которые им позволяли собственные амбиции и вера в свое предназначение. В XX веке отголоском тех летописных противостояний станут претензии уже молодых национальных государств на тот или иной регион, иногда малозаметный и не особо привлекательный, и эти претензии обосновывались именно средневековой принадлежностью к владениям той или иной династии — Пястов, Пржемысловичей, Арпадовичей, Рюриковичей...

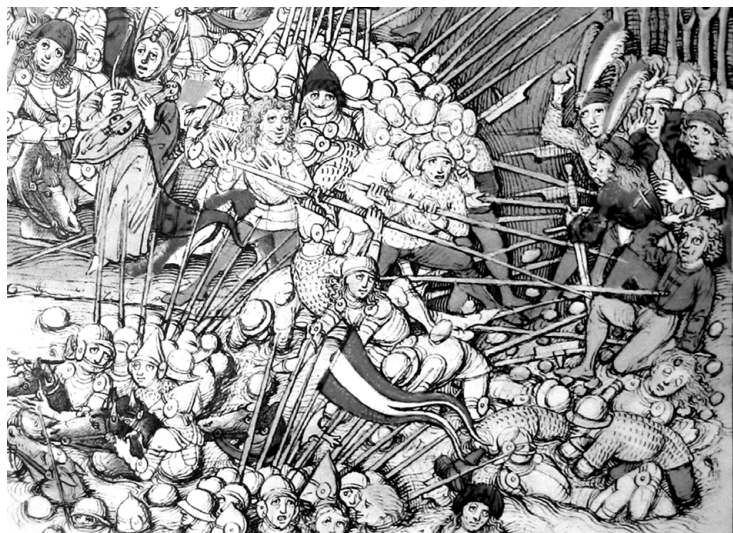
Впрочем, вначале о Габсбургах ничего не было слышно. Их будущее могущество и влияние вряд ли мог предугадать кто-либо — подобных мелких родов, для которых были открыты пути как к вершинам власти, так и к полному забвению, было достаточно. С какими территориями ассоциируются Габсбурги у современного любителя истории? Безусловно и прежде всего, с Веной. За ней следуют прочие города империи — Будапешт, Прага и так далее — вплоть до Сараево. Но это уже относится к временам расцвета и падения империи. Зарождалась же династия значительно западнее.

Гунтрам Богатый (ок. 930—973), которого считают предком династии, владел именьями в северной Швейцарии и Эльзасе. Он был графом Мури и Брейсгау, графом Эльзаса, Зундгау, а также Альтенбурга, Аргау и прочих владений². Происходил Гунтрам, вероятно, из династии Эберхардингеров, ветви знатного франкского рода Эти-

¹ Яркий пример успешного использования династических браков для достижения стратегических целей — установление венгерскими королями контроля над Хорватией и Славонией благодаря династической унии.

² Сейчас эти территории входят в состав Германии, Франции и Швейцарии.

Битва при Моргартене. Швейцарские ополченцы уничтожают попавшую в засаду армию Габсбургов. На первом плане — рыцари, тонущие в реке. Миниатюра XIV века, иллюстрация к «Бернской хронике» хрониста Дибольда Шиллинга Старшего

хонидов, правивших Эльзасом в раннее Средневековье. Впрочем, на происхождение от Этихонидов претендовали многие. Также в свое время циркулировали мифы о происхождении Габсбургов от древнеримского патрицианского рода Колонна (а через него — от Гая Юлия Цезаря), или от королей франков из династии Меровингов (а через них — от троянцев, прибывших когда-то в Галлию), или от герцогов Алеманских, некогда правивших в Германии.

В 952 году Оттон I, император Священной Римской империи, за измену конфисковал у Гунтрама графства Брейсгау, Тургау, Эльзас и владения на Нижнем Рейне. Старший сын Гунтрама Ланцелин стал графом Альтенбурга в Аргау, а также владел графством Мури. Незначительные

владения он увеличивал захватом дополнительных земель в кантоне Аргау.

Старший сын Ланцелина Вернер стал епископом Страсбурга и умер в 1208 году в Константинополе. Еще один сын Ланцелина стал фогтом (имперским чиновником и судьей) в Рейхенау. После его смерти владения рода в швейцарских и эльзасских землях в 991 году перешли к сыну Ланцелина Радботу (ок. 985—1035). Именно он в 1020—1030 годах построил в швейцарском кантоне Аргау возле реки Аре замок Габсбург, дав тем самым династии имя. Вероятно, первоначально замок назывался Габихтсбург (*Habichtsburg*) — «Ястребиный замок». По другой версии, его имя происходит от старонемецкого *hab* (брод), поскольку замок охранял переправу через Аре. Вместе с женой Идой, дочерью графа Меца Адальберта II, Радбот основал в 1027 году аббатство в Мури, чья хроника — источник сведений о раннем периоде династии Габсбургов. Кроме того, тут были похоронены многие представители династии.

Замок Габсбург вначале был небольшим, по легенде, он даже не имел башен и стен. Говаривали, что в этом Радбота упрекал брат — епископ Вернер. Тогда Радбот заключил пари, что за ночь возведет стены вокруг замка, и выиграл его. А названием укрепление обязано тому, что якобы ястреб сел на только что построенные стены крепости.

Потомки Радбота, скончавшегося в 1045 году, довольно успешно увеличивали семейные владения в Эльзасе и северной Швейцарии, став крупным феодальным родом и именуясь графами Габсбург. Габсбурги воевали за империю, женились, умирали от старости, в седле, от болезни или рук наемных убийц, но род продолжал разрастаться.

ся. А вот первый родовой замок был утрачен Габсбургами в начале XV века, затем эти земли и вовсе вошли в состав Швейцарии.

Тем временем над будущей Австрией сияла звезда княжеской династии Бабенбергов, которые сумели превратить скромную Восточную марку в успешное и богатое герцогство¹, заключая династические браки с Гогенштауфенами, Арпадовичами, Пржемысловичами, императорами Византии. Впрочем, путь к могуществу не был усеян лепестками роз: тогдашние центры силы макрорегиона — Польша, Богемия, Венгрия, Германия, Галицкая Русь — пребывали в постоянном взаимодействии и противостоянии, претендуя на главенствующую или хотя бы равноправную с остальными роль. Споры шли как о желанных всеми или большинством соседей землях, так и о престиже рода. К этому потом прибавился катастрофически (или кардинально — как кому угодно) изменивший ситуацию фактор ордынского вторжения с его смертоносным продвижением на Запад, к «закатному последнему морю». К тому же с юга на регион давили постепенно дряхлеющая Византийская империя и амбициозная Венецианская республика, что еще больше усложняло геополитическую обстановку, говоря современными терминами.

К XI веку в австрийских землях сформировалась местная феодальная знать — графы и свободные рыцари-министериалы. Демографические потери от вражеских набегов восполняла иммиграция крестьян и горожан из германских

¹ Этот статус даровал Малой привилегией (*Privilegium Minus*) от 17 сентября 1156 года император Фридрих I. Патент утверждал права Бабенбергов на Австрию, которая становилась полностью независимой от Баварии. Герцоги получили ряд особых прав и привилегий по отношению к империи.

земель, колонизировавших перспективные территории. Экономика была представлена в основном земледелием, развивалась торговля, сохранились традиционные промыслы — добыча соли и производство железа.

В 1246 году на войне с венграми и чехами смертью 36-летнего Фридриха II Воителя оборвалась мужская линия рода Бабенбергов, а вместе с тем и дрящущееся с 976 года правление этого рода в Австрии. Герцог погиб в битве на реке Лейта — той самой, что уже в XIX веке станет условно «пограничной» для двух частей двуединой монархии Габсбургов, дав негласные имена ее составляющим. В этой битве 15 июня 1246 года армии австрийского герцога противостояли венгерские войска.

Любопытная деталь: в битве участвовал и не названный по имени король Руси, которого часть современных историков идентифицирует как Даниила Галицкого, а другая — как Ростислава Мстиславовича. По одним источникам, Фридриха II убили венгерские солдаты, по другим — свои же люди. Более того, анналы монастыря Святого Пантелеймона утверждают, что во время битвы якобы состоялся поединок между Фридрихом II Австрийским и тем самым королем Руси, который и победил герцога, убив его. В том же 1246 году Гертруда вышла замуж за Владислава Моравского, сына чешского короля Вацлава I.

В битве на реке Лейте австрийцы в целом победили, а смерть Фридриха II привела к тому, что соперничество соседних правителей за корону Австрии развернулось в полную силу. Первый этап выиграл чешский король Пржемысл Отакар II. Он правил Австрией до 1276 года, успешно противостоя аристократической оппозиции, подерживая церковь и города, расширяя свои владения (в на-

чале 1270-х его земли простирались от Судетских гор до Адриатического моря). А вот противостояния с Габсбургами Отакар, которого современники называли королем железным и золотым, не выдержал.

На пути Габсбургов к власти над Австрией лежали непреодолимые, казалось бы, в те времена преграды — непричастность к кругу имперских князей-курфюрстов и отсутствие родственных связей с царствующими домами. Тогда этому еще нельзя было противопоставить богатство или личные заслуги. Впрочем, на пути к богатству тоже были препятствия — владения Габсбургов являлись не целостным княжеством, графством или герцогством, это была скорее бисерная россыпь по карте тогдашней Европы небольших ленных или наследственных владений на территории от Эльзаса до Швейцарии.

И все же в 1273 году королем Германии избрали 55-летнего графа Рудольфа Габсбурга, сына умершего во время крестового похода в Святую землю Альбрехта IV. Его главными соперниками на выборах были Отакар и Фридрих I Укушенный, маркграф Мейсена. Избранию способствовало то, что среди князей империи (курфюрстов) — выборщиков были герцоги Саксен-Виттенбергский и Баварский, зятья Рудольфа.

Тем самым завершился период смуты, длящейся с 1254 года. Впрочем, самого избрания могло бы и не быть, не поддержки Рудольфа и папская курия. Швабские анналы сообщали: «В 1273 году Господнем, когда Римское государство на протяжении долгих времен прозябало без императорского управления, словно стонущий от запустения ближний, всегда щедрая милость Божья обратила взор с небес на землю, и во Франкфурте римским королем был избран граф Рудольф фон Габсбург, и вместе со своей

женой Анной торжественно возведен на трон в Ахене»¹. В Рудольфе, отличавшемся высоким ростом, здравым умом, храбростью и приветливостью в общении, видели кто спасение от притязаний чешского короля Отакара, кто компромиссную фигуру, не способную навредить князьям-выборщикам, кто покой в германских землях после смутных десятилетий.

Последнее, кстати, было оправдано, по крайней мере частично: Рудольф лично принял участие в уничтожении в Тюрингии и Швабии десятков разбойничьих замков, которые, как грибы после дождя, появились за время отсутствия императора. Но достичь мира и безопасности во всех германских землях было недостижимой целью ввиду ограниченности военных и финансовых ресурсов. Императором Рудольф так и не стал, вероятно, в силу своей скупости и невыполнения данного папе римскому Григорию X обещания организовать крестовый поход. Но память о Рудольфе осталась в целом позитивной, Наполеон даже как-то назвал себя Рудольфом Габсбургом собственной династии.

Уже в следующем после избрания королем году Рудольф потребует от 41-летнего Отакара присяги на верность, а главное — вернуть Австрию, Штирию, Каринтию и Крайну, которые теперь расцениваются как имперские лены, незаконно попавшие под власть чешского короля. После вполне объяснимого отказа последнего выполнить эти условия он был объявлен изменником. Габсбурга поддержали австрийское дворянство и местные епископы католической церкви. Армия империи вторглась в Австрию, вынудив Отакара отказаться и от нее, и от Штирии. В 1276-м Рудольф торжественно въехал в Вену.

¹ Времени съездить в Рим для коронации Рудольф так и не нашел до конца жизни.

Отакар с этим не смирился, но проиграл в 1278 году битву на Моравском поле недалеко от австрийской столицы¹. Легкая половецкая кавалерия беспрерывно атаковала порядки чехов, а тяжеловооруженные рыцари последних не могли эффективно отражать нападения. Отакар мог надеяться на численное превосходство своей кавалерии, но три часа в латах под августовским солнцем дали знать о себе — рыцари были чрезмерно утомлены.

В полдень Рудольф атаковал правый фланг богемцев из засады свежим резервом конницы², которая сумела частично обратить противника в бегство. Отакар лично повел свой резерв в контратаку, но часть чешских войск восприняла этот маневр как отступление и дрогнула. Это стало началом поражения чешской стороны. Габсбург мог торжествовать — враг бежал несмотря на то, что Отакар до последнего мужественно бился в арьергарде и был найден на поле боя убитым.

Можно предположить, что эта битва стала одной из ключевых развилки истории Центральной Европы: победа Отакара означала бы дальнейшее возвышение Пржемысловичей, которые в перспективе могли бы соединить под своей властью огромные территории. Это нивелировало бы могущество и значение Священной Римской империи, а род Габсбургов, если бы и не исчез вообще, то уж точно не достиг известных нам вершин, ограничившись незначительными владениями на территории современных Швейцарии и Баварии. С другой стороны, учитывая интерес

¹ Чешского короля поддерживали некоторые немецкие княжества, такие как Саксония и Мейсен, а вот за Габсбурга сражались присланные венгерским королем Ласло IV (кстати, кузен Кунигунды, любимой супруги Отакара и уроженки Киева, дочери князя Ростислава Мстиславовича) венгры и половцы.

² Поскольку нападение из засады тогда выбивалось из общепринятой модели поведения, командующий габсбургской кавалерией Ульрих фон Капеллен извинился за это перед своими подчиненными.

